

**Всероссийская научная конференция молодых ученых
«СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ:
ПРОБЛЕМЫ И ПОИСКИ РЕШЕНИЙ».**

Ростов-на-Дону, 20 июня 2013 г.

(секция: история)

**Сибирское общество сельскохозяйственного кредита на Алтае
в 1920-е гг.: тенденции развития**

Н.С. Жданова

г. Барнаул, Алтайский государственный университет

Роль кредитной кооперации в социально-экономическом развитии деревни изучалась на материалах Сибири такими исследователями, как Б. В. Иванов, Н. Я. Гушин [1. С. 178; 2. С. 107]. Фрагментарное рассмотрение этих процессов на Алтае позволяет поставить задачу комплексного изучения системы сельскохозяйственного кредитования Алтайской губернии в годы нэпа.

Восстановление кредитных товариществ на Алтае началось с организации товариществ низового звена и создания Алтайского губернского интегрального союза сельскохозяйственных, кредитных и кустарно-промысловых кооперативов 16-18 июня 1922 г. в г. Барнауле. Базой возрождавшейся кооперации Алтайской губернии в 1920-е гг. являлись кредитные кооперативы, представленные новым типом – сельскохозяйственным кредитным товариществом [3. Л. 12].

Алтайское отделение сельскохозяйственного кредита открыло свои действия с 1 июня 1923 г. по 14 районам Алтайской губернии. В системе Сибирского общества сельхозкредита Алтайскому отделению (13) по численности посреднической сети уступали такие крупные отделения, как Новониколаевское (9), Томское (7) и Омское (6) [4. С. 13-17.].

Происходил процесс превращения кредитной кооперации в самостоятельную систему и становления ее как одной из ведущих форм кооперативного строительства. С 1924 г. система кооперативов на Алтае постоянно увеличивала собственные оборотные средства [5. Л. 34]. Однако доля государственных средств и иных привлеченных средств значительно превышала собствен-

ные накопления кооперации Алтая на протяжении всего периода нэпа. В результате отсутствия необходимого количества собственных средств кредитная кооперация вела сбыто-снабженческие операции не только за счет специальных капиталов, предназначенных для данного вида операций, но и за счет собственных средств, снижая устойчивость кооперативов.

Развитие сети кооперативов-посредников происходило в условиях поиска организационных форм кооперативного движения и неоднократными структурными изменениями: работа с агентствами и семенными базами в 1923-1924 гг., укрупнение кооперативов в 1926 г., развитие форм специализации кооперации с 1927 г., организация окружных отделений Сибкрайсельхозбанка в 1928 г.

Таким образом, несмотря на противоречивое развитие кредитной кооперации Алтайской губернии в 1920-е гг., о ее весомом значении в социально-экономическом развитии аграрного сектора Сибири свидетельствует то, что даже в период структурных изменений 1928-1929 гг. в Алтайской губернии действовало шесть (из двенадцати по Сибирскому краю) отделений АО Сибкрайсельхозбанка: Барнаульское, Бийское, Рубцовское, Славгородское, Каменское, Ойротское.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Иванов Б. В.* Осуществление ленинского кооперативного плана в Сибири (1920-1927). – Томск, 1977.
2. *Гущин Н. Я.* Сельскохозяйственная кооперация Сибири в условиях нэпа: опыт и уроки // Кооперация Сибири в XX веке: опыт, уроки, перспективы. Вып. 1. – Новосибирск, 1994.
3. Государственный архив Алтайского края (ГААК). Ф.П-2. Оп. 3. Д. 150.
4. Кооперативная Сибирь. № 10-11.
5. ГААК. Ф. Р-188. Оп. 1. Д. 39.

Зарождение и развитие юридической науки в России в дооктябрьский период

В.В. Ковалев

г. Ставрополь, Северо-Кавказский федеральный университет

Зарождение юридической науки, как таковой в России происходит только в XVIII в., и то, она выступала в большей степени, как учебная дисциплина (с 1731– в шляхетском корпусе, а, с 1737 г. – при Сенате, коллегиях и канцеляриях). В 1755 г. в Московском университете был основан юридический факультет [1]. Научные труды, посвященные отдельным отраслям права, начали появляться в России только в начале 19 в. Доктрина естественного права стала преобладающим направлением в отечественной теории права. Представители общественной мысли также в своих изысканиях уделяли немало внимания вопросам, так или иначе, связанным со сферой юриспруденции. Так, А.Н. Радищев в своих работах “Проект гражданского уложения”[2], “Опыт о законодательстве”[3] уделял внимание проблеме, волновавшей и европейских просветителей – проблеме естественных прав человека и показывал несовместимость с ними крепостного состояния многих российских подданных. В определенной степени взгляды Радищева повлияли на последующих представителей общественной мысли (к примеру – на декабристов, один из которых П.И. Пестель даже разработал первый республиканский проект конституции России “Русская правда”[4]).

В первой половине XIX в. российской в юридической науке большую роль стала играть концепция исторической школы права, под влиянием которой М. М. Сперанским в 1832 издавались Полное собрание законов и Свод законов Российской империи [5]. Буржуазные реформы 60-х гг. XIX в. в немалой степени определили дальнейшее развитие юридической науки. Проведение реформ совпало, а в какой-то мере, и повлияло на появление научных периодических юридических изданий (“Юридический вестник”, “Журнал гражданского и торгового права”, “Журнал гражданского и уголовного права”, “Журнал министерства юстиции” и др.). Уже по научным направлениям журналов можно судить о том, что в данный период происходило развитие практически всех отраслей права. Следствием этого стало издание нормативно-правовых документов, носивших характер отраслевых кодексов (к приме-

ру – «Уложения о наказаниях уголовных и исправительных» 1845 г.). В теории права в данный период преобладающими были такие направления, как психологическая теория права, позитивизм и др. В целом, в области развития юридической науки в России период с 1864 по 1917 гг. характеризуется двумя основными тенденциями: а) повышением престижности юридической профессии (доля студентов-юристов с 1880 по 1894 г. возросла с 20 до 37% от общего числа студентов университетов России) б) развитием, а к началу XX в., расцветом отечественной юридической науки. Появилась плеяда блестящих, самобытных ученых-юристов (Б.А. Кистяковский, М.М. Ковалевский, Н.М. Коркунов, Б.Н. Чичерин и др.), создавших оригинальные труды в области права, не уступавшие мировым аналогам. Своей актуальности эти исследования не утратили и в настоящее время.

ЛИТЕРАТУРА

1. <http://russiahistory.ru/>
2. *Радищев А.Н.* «Проект гражданского уложения». – М., "Классика КнигаФонда", 2009.
3. *Радищев А.Н.* «Опыт о законодательстве». – М., Изд-во: АН СССР, 1938
4. *П.И. Пестель* РУССКАЯ ПРАВДА или Заповедная Государственная Грамота Великаго Народа Российскаго служащая Заветом для Усовершенствования Государственного Устройства России и Содержащая Верный Наказ как для Народа так и для Временнаго Верховнаго Правления // <http://az.lib.ru>
5. *Новгородцев П. И.* Историческая школа юристов. Ее происхождение и судьба: Опыт характеристики основ школы Савиньи в их последовательном развитии. – СПб., 1896.

Присоединение Грузии к России как определяющий фактор российско-грузинских взаимоотношений

И.Н. Колесников

г. Кисловодск, Российский государственный социальный университет

Российско-грузинские отношения – это сложный исторический процесс в жизни двух народов, охватывающий политические, экономические и культурные связи.

Как известно, после 1801 года при поддержке народов России многовековая борьба грузинского народа против иностранных захватчиков завершилась политическими актами о присоединении к Российской империи отдельных феодальных государств Грузии [1, с.14]. Выделим основные итоги присоединения Грузии к России.

Вступлением в состав Российской империи Грузия, которая вела смертельную борьбу с многочисленными иноземными захватчиками за свою свободу и независимость, добилась мира и безопасности. Страна быстро встала на путь экономического подъема. Возросла численность населения, были возрождены разоренные деревни, появились новые города [2, с.9].

Вследствие присоединения к России Грузия смогла восстановить свою национальную целостность. Успехи России в войнах против Турции обеспечили восстановление Грузии в своих исторических границах [3, с.156]. Еще со времени владычества монголов начался распад грузинского государства на отдельные царства и княжества, между которыми не прекращались междоусобицы. Они обескровили страну, тормозили развитие производительных сил, позволяли врагам захватывать и грабить грузинские земли [4, с.34].

В условиях совместной жизни русского и грузинского народов ускорилось социальное развитие Грузии. Она включилась в экономические взаимосвязи России и Европы. Развивались товарно-денежные отношения, сформировался капиталистический уклад. Отмена крепостного права связала грузинские земли единой хозяйственной системой и обусловила ее дальнейший прогресс [5, с.278].

Вхождение Грузии в состав России активно способствовало возрождению грузинской культуры [2, с.10]. Ни на одном этапе своего развития вплоть до этого периода, Грузия не испытывала такого мощного подъема духовной жизни, как в XIX веке. В этом столетии Грузии удалось встать вровень с

передовыми странами мира в ряде областей духовной культуры. Такое быстрое развитие культуры и ее высокий уровень обусловили не только характер эпохи и древнейшие плодотворные традиции грузинской культуры, но и выход Грузии из обособленности, ее вступление в состав единой России и этим путем в европейский духовный мир.

ЛИТЕРАТУРА :

1. *Алексивили, М.М.* По вопросу русско-грузинских исторических взаимоотношений. – Тбилиси, 1956. – 171 с.
2. *Сургуладзе, А.Н.* Прогрессивные последствия присоединения Грузии к России. – Тбилиси: Изд-во «Мецниереба», 1982. – 214 с.
3. *Брегвадзе, А.И.* Славная страница истории: Добровольное присоединение Грузии к России и его социально-экономические последствия. М.: Мысль, 1983. – 174 с.
4. *Хелтуплишвили, М.В.* Вступление Грузии в состав Российской империи. – Кутаиси, 1901. – 103 с.
5. *Авалов, З.Д.* Присоединение Грузии к России. – 2-е издание. – СПб., 1906. – 312 с.

Источники по истории старообрядчества Алтая первой трети XX в.

И.В. Куприянова

г. Барнаул, Алтайская государственная академия культуры и искусств

Старообрядческие объединения, локализованные в пределах современного Алтайского края в первой трети XX в., составляли одно из самых многочисленных территориальных подразделений русского старообрядчества. В настоящее время его история может изучаться с помощью нескольких групп источников, среди которых наиболее важными и уникальными являются документы, исходящие от самих старообрядцев. Прежде всего, это акты канонического права – постановления съездов и соборов, регулировавшие религиозно-общественную жизнь старообрядческих объедине-

ний: в них формулировались базовые положения вероисповедания, разбирались насущные проблемы, предлагались способы их решения.

Внутри религиозных организаций старообрядцев также формировались документы, отражающие их повседневную жизнь: протоколы заседаний общих собраний и церковных советов, отчеты, где говорится о задачах общин в области религиозного воспитания и образования молодежи, борьбы с безнравственностью и падением уровня религиозности. Многие старообрядческие объединения вели интенсивную деловую переписку с администрацией, носившую характер докладных записок, заявлений, ходатайств о разрешении проведения конфессиональных съездов и богословских диспутов, жалоб на несправедливые действия местных властей.

Материалы о жизни алтайских сообществ часто публиковались в старообрядческих журналах 1900-1910-х гг., таких, как «Церковь», «Слово Церкви», «Старообрядческая мысль», «Старая Русь», «Щит веры». В колчаковский период в Барнауле издавался журнал «Сибирский старообрядец», где отражены политические взгляды староверия, его надежды на окончание гражданской войны и установление буржуазной республики, в которой действовали бы законы о свободе совести и вероисповедания.

Другая группа источников характеризует отношения старообрядческих объединений с государственными структурами: в дореволюционный период – с местной администрацией, полицией, в советский период – с партийными и советскими организациями, административными отделами, в ведении которых находились. Значительное место в этой категории источников занимает делопроизводственная документация: протоколы заседаний исполкомов, акты ревизии молитвенных домов, которые содержат сведения о культовом имуществе, находившемся в распоряжении общин и их материальном положении.

Важные источники, характеризующие жизнедеятельность старообрядчества в дореволюционный период, исходят от Русской Православной Церкви, в частности, таких ее структур, действовавших на Алтае, как Алтайская духовная миссия и противораскольничье Братство имени Св. Дмитрия Ростовского. Миссионеры многие годы вели упорную борьбу со старообрядчеством; для этого им приходилось внимательно и критически изучать его религиозную догматику, обрядность, внутреннюю жизнь, их методы расширения своего влияния, динамику роста, а также личности вождей местного рас-

кола. Эти материалы концентрируются в миссионерских отчетах, письмах, дневниках, стенограммах богословских дискуссий.

Особый вид источников по истории старообрядчества, сформированный уже в новейшее время, – записи опросов потомков и соседей старообрядцев, проведенных в ходе полевых историко-этнографических экспедиций в районы Алтайского края. Эти уникальные материалы дают специфические сведения, которые не содержатся в письменных источниках: раскрывают черты бытовой, семейной, хозяйственной жизни старообрядцев, ее трансформации в ходе трагических событий коллективизации.

Все вышперечисленные категории источников в комплексе дают исследователю возможность детальной проработки, хотя и не всех, но очень многих аспектов истории алтайского старообрядчества.

Современные проблемы социально-экономического исследования кочевых обществ (на примере калмыков)¹

Н.П. Мацакова

г. Элиста, Калмыцкий государственный университет

Одной из проблем современного исследователя кочевого общества, в частности, калмыцкого, остается продолжающаяся среди номадологов дискуссия по вопросу об общественном строе кочевых народов. Существуют две основные точки зрения на этот счет: сторонники первой считают, что в кочевых обществах преобладали родовые отношения, их оппоненты полагают, что у кочевых народов существовали классовые феодальные отношения, но при этом по-разному оценивают их уровень развития и степень зрелости. Данная полемика затрагивает и калмыцкое кочевое общество. Исследователи XIX в. – Н.А. Нефедьев, Ф.А. Бюлер, П.И. Небольсин, К.И. Костенков, И.А. Житецкий и Я.П. Дуброва и др. считали калмыцкое общество патриархально-родовым. Например, Я.П. Дуброва утверждал, что калмыки «до сих пор не пережили родового быта» [1]. Советские ученые, например, Г.З. Минкин, отстаивали мнение о феодальном характере общественных отношений у калмыков, так как это ставило под вопрос «наличие классов и классовую борьбу в Калмыкии вплоть до революции» [2].

¹ Выполнена при финансовой поддержке гранта РГНФ № 13-31-01283 (тема №864) «Трансформация кочевого общества в первой половине XX в. в полиэтничном регионе: социокультурный аспект (на примере калмыков)»

Причем, и некоторые авторы XIX столетия, и большинство советских историков, основывали свое мнение на том или ином толковании монголо-ойратских законов 1640 г. К первым относятся исследователи историко-юридической направленности – Ф.И. Леонтович, К.Ф. Голстунский, И.Я. Гурлянд, считавшие эти законы памятником «первобытнообщинной, кочевой культуры». Так, Ф.И. Леонтович полагал, что содержание законов «квалифицируется основными началами, присущими патриархально-родовой жизни народов кочевого типа» [3]. Б.Я. Владимирцов данный свод законов оценивал как «выдающийся памятник кочевого феодального права» [4]. Современные калмыцкие исследователи, используя традиционные дефиниции, вкладывают в них новое понимание. В частности, М.М. Батмаев, считает, что калмыцкое общество в XVII-XVIII вв. было не классовым, а сословным. Общественные отношения в этот период «более всего соответствуют тому строю, который принято называть феодальным», и выражались, прежде всего, в личной зависимости простолюдинов от владельческого сословия [5]. Причем эти отношения, конечно же, не отождествляются с классическим феодализмом европейского средневековья.

Другой проблемой социально-экономического исследования калмыцкого общества до XIX в. является ограниченность письменных источников, позволяющих судить о количественных и качественных изменениях в среде кочевников. Законодательные акты, такие как упомянутые законы 1640 г. или «Токтолы хана Дондук-Даши» (середина XVIII в.), безусловно, имеют большое историко-юридическое значение, так как они фиксируют социально-экономический и политический процессы, позволяя судить о кардинальных изменениях у калмыков, но не отражают количественных показателей. Даже чиновники XIX в. имели приблизительные данные о числе населения и скота в регионе.

Поскольку в исторической науке наряду с формационным применяется цивилизационный подход, то возможно его применение позволит получить новое понимание многих процессов и явлений истории кочевых обществ.

ЛИТЕРАТУРА :

1. *Дуброва Я.П.* Быт калмыков Ставропольской губернии. – Элиста, 1998. – С.158.

2. *Минкин Г.З.* Об Общественном строе Калмыкии и колониальной политике царизма. – Элиста, 1968. С.7.
3. *Леонтович Ф.И.* К истории права русских инородцев. Монголо-калмыцкий или ойратский устав взысканий. ЦааджинБичик. – Одесса, 1879. С. 27.
4. *Владимирцов Б.Я.* Общественный строй монголов. – М., 1934. С.20.
5. *Батмаев М.М.* Социально-политический строй и хозяйство калмыков в XVII-XVIII вв. – Элиста, 2002. С. 234-235.

Мобилизационный тип развития в контексте экстенсивности

Н.М. Морозов

г. Кемерово, Институт экологии человека СО РАН

Мобилизационный тип развития представляет собой характерную для России пространственно-временную динамику общества, устойчивость которой исторически обусловлена не только факторами природного, социального порядка, но и закреплением в психологии народа в виде архетипической модели оптимального соотношения между потребностями и условиями развития. Она находила свое выражение через общие для большинства населения страны неосознаваемые коллективные стереотипы, составляющие структуру этнического менталитета. Рассмотрим один из них – экстенсивность, который можно отнести к исходному, в родовидовом плане самому близкому «психологическому материалу», составляющему каркас указанной выше архетипической модели, «ответственной» за целостность общества.

Согласно сложившейся систематике экономических знаний логично связывать определенный тип развития с соответствующим ему типом роста и/или факторами экономического роста, которые разделялись на две группы: интенсивные и экстенсивные. Хрестоматийными считаются утверждения, что при экстенсивном росте экономический эффект развития достигается посредством количественного увеличения производства: повышения объема инвестиций при существующем уровне технологии; увеличения численности занятых работников и роста объемов потребляемых элементов оборотного капитала. В системе философских знаний экстенсивная технология представ-

ляется типом организации трудовой деятельности, направленным преимущественно на овладение внешними, непосредственно данными природными процессами, на целенаправленное и своевременное их использование в интересах человека, на согласование его деятельности с ритмами и процессами окружающей среды.

Перенос указанной терминологии в другой контекст, а именно – общей характеристики отдельных длительных периодов истории российского общества, измеряемых веками, приводит к изменению ее статуса на междисциплинарный, так как признаки экстенсивности неизбежно обнаруживаются не только в экономике, но и в управленческой, демографической, пространственной и других сферах. При этом не всегда истоки причинно-следственных связей такого положения следует искать в трудовой практике населения. Проблема вычленения элементов экстенсивности неисчерпаема. Они материализовались в объемах потребления ресурсов: земельных, минеральных, растительных и людских, которые достигались при увеличении их абсолютных величин без существенного повышения степени отдачи. Многообразие форм и способов экстенсивного производства проявляется в многоукладности экономики, в территориальной и стадийной дифференциации различных сегментов хозяйственного комплекса страны и поддерживается неисчерпаемыми запасами природного сырья. При избытке ресурсов эффективность экстенсивного развития могла быть высокой.

В целом, суждения о потребностях и условиях развития российского общества указывают на то что экстенсивные формы и способы эксплуатации ресурсов демонстрируют эффективное (для своего времени) распоряжение (с позиции экономного расходования) аккумулированных (при постоянном дефиците прибавочного продукта) природного вещества и энергии. Последние воплощаются в системе управления, финансах, в интеллектуальном потенциале, механизмах, в трудовых навыках и мускульной силе людей. Они могут быть достаточны для поддержания состояния самообеспечения на уровне страны, региона или семьи при слабо выраженной тенденции к социальным инновациям, что, впрочем, делает уязвимой, в первую очередь, сферу безопасности в условиях, когда большая масса ресурсов перестает являться главным аргументом силы.

История публикации архивных документов по проблемам трудовой подготовки школьников Дагестана (1980-1997 гг.)

М.С. Муцалханов

г. Махачкала, Дагестанский государственный педагогический университет

Наиболее крупным сборником документов, куда вошли источники из фондов Госархива Республики Дагестан по проблемам школьного образования, стала книга «Культурное строительство в Дагестанской АССР»[1]. Первая ее часть вышла из печати в 1980 г. и охватывает в хронологическом плане документы по истории культуры народов Дагестана за период с 1918 по 1941 годы. В плане изучения проблем трудовой подготовки подрастающего поколения к трудовой самостоятельной жизни первый том данного сборника документов весьма беден, а имеющиеся в книге источники касаются вопросов общей постановки школьного дела.

Куда больший интерес для исследователя проблем трудового обучения и воспитания школьников Дагестана представляет второй том рассматриваемого сборника. Из 232 его документов 24 касаются проблем развития образования Дагестана, в т. ч. в шести из них непосредственно подняты проблемы трудового обучения и воспитания школьников.

Привлекательны в сказанном отношении документы сборника №24 – «Постановление Совета Министров ДАССР “О реорганизации средних школ в средние общеобразовательные трудовые политехнические школы с производственным обучением”» от 4 июня 1962 г. (С.63-64); №35 – «Из стенограммы доклада министра просвещения ДАССР Х.Г. Магидова на VI съезде учителей Дагестана» (С.81-83) и некоторые другие.

Сборник содержит много документов по самым различным проблемам истории трудовой подготовки школьников к труду и жизни. По сведениям сборника, за период с 20 августа 1918 г. по январь 1976 г. в прошли шесть съездов учителей Дагестана и на каждом из них поднимались проблемы политехнического и трудового обучения школьной молодежи Дагестана. В сборнике имеются сведения также об укреплении и расширении материально-технической базы трудовой подготовки учащихся общеобразовательных школ республики, о движении ученических производственных бригад как формы вовлечения

сельской учащейся молодежи в трудовые дела хозяйств и т. д. Определенное представление из документов сборника можно получить о подготовке юношей и девушек к труду и жизни в процессе организации с ними внеклассной и внешкольной работы.

Немало источников из архивных фондов и частично опубликованных на страницах печати в свое время вошло в сборник документов «Верю в нашу победу», изданный к 50-летию Великой Победы[2].

Некоторые документы по проблемам трудового воспитания школьников опубликованы в качестве приложений к исследованиям по истории Дагестана. Инструкция от Северокавказского Крайкома от 4 июля 1933 г. в местные молодежные организации по привлечению детей к труду в летние месяцы включена в совместную монографию М.С. Муцалханова и Х.М. Махмудова «Дагестан в 30-е годы [XX в.]»[3, с. 56-58], изданную в 1997 г.

Изложенный материал показывает, что на сегодняшний день имеются ряд сборников документов, в которых опубликованы источники по проблемам трудовой подготовки школьников Дагестана. Думается, накопленные в архивах документы позволяют издать отдельный сборник по теме.

ЛИТЕРАТУРА :

1. Культурное строительство в Дагестанской АССР: Сб. документов. В 2 т. Т. 1918-1941 / Под ред. Ш.М. Магомедова. – Махачкала, 1980. Т.1. – 764 с.; Т.2. 1941-1977. 1988. – 464 с.
2. Верю в нашу победу: Сб. документов / Авт.-сост.: Р.И. Джамбулатова, Д.С. Эмиров. – Махачкала, 1986. – 224 с.
3. *Муцалханов М.С., Махмудов Х.М.* Дагестан в 30-е годы [XX в.]. – Махачкала, 1997. – 80 с.

Деятельность республиканских органов Дагестана по подготовке учителей труда со средним специальным образованием (1959-1983 гг.)

М.С. Муцалханов, Н.Ш. Мугутдинова

г. Махачкала, Дагестанский государственный педагогический университет

Одним из важнейших предпосылок разрешения любой проблемы является обеспечение подготовленными кадрами.

Вопрос подготовки учителей труда по всем канонам педагогической науки поднимается в Дагестане в начале 60-х годов прошлого столетия после принятия Закона об укреплении связи школы с жизнью (1959 г.).

В принятом во исполнение положений этого документа решении Советом Министров РСФСР постановлении от 7 мая 1962 г., полученном на местах, предлагалось наладить работу по кадровому обеспечению трудового обучения в общеобразовательной школе¹.

На основе этих документов, Правительство республики предложило Министерству просвещения Дагестана изучить состояние и образовательного уровня тех, кто занимался в школах трудовым обучением учащихся.

Проверка нарисовала в этом вопросе удручающую картину: ни один учитель трудового обучения на момент проверки не имел высшего образования по специальности, а те, кто имел среднее специальное образование, было единицы. В основной массе уроки труда вели в лучшем случае учителя других дисциплин, получавшие часы по труду в «довесок», в ином случае трудовым обучением детей занимались люди без педагогического, и даже без законченного общего среднего образования, но, как правило, прошедшие курсовую подготовку. В общей массе педагогов Дагестана учителя труда по уровню образования имели самые низкие показатели.

С учетом этой ситуации, 30 мая 1962 г. Министерство просвещения республики представило в Совет Министров Дагестана документы и на основе был подготовлен проект постановления «О подготовке учителей труда и производственного обучения для общеобразовательных школ»².

Согласно проекту постановления, в целях обеспечения потребности общеобразовательных школ в учителях труда и производственного обучения, СМ ДАССР намеревался предложить Совету Народного хозяйства республи-

ки с участием местных отделов народного образования произвести на предприятиях отбор специалистов и направить в 1962 г. на работу в общеобразовательные школы в качестве преподавателей труда. Намечалось также обязать Управление профтехобразования республики организовать в средних специальных учебных заведениях подготовку учителей труда для 5-8 классов общеобразовательных школ, имея в виду обеспечить в 1966-1970 годах ежегодный выпуск специалистов в количестве 150 чел.

9 июня 1962 г. для согласования проект попал к председателю Дагсовнархоза Нахшунову, который наложил на нем визу, со словами: «Стоит ли выносить постановление по этому поводу? Совнархоз не возражает против направления по набору 20 человек». После такого вердикта чиновника, проект документа передали в архив, а начало подготовки квалифицированных учителей трудового обучения продлился еще более 10 лет.

Первыми учебными заведениями Дагестана, где начали готовить учителей трудового обучения, причем, одновременно, с 1975-76 учебного года стали Буйнакское и Избербашское педучилища.

Дальнейшее расширение подготовки учителей труда в педучилищах Дагестана приостановили, т.к. к 1980 г. на трех факультетах пединститута республики учились будущие «трудовики» начальных, средних и старших классов общеобразовательных школ.

ЛИТЕРАТУРА :

1. ЦГА РД. Ф.168-р. Оп.45. Д.26. Л.239-240.
2. Там же. Ф.168-р. Оп.45. Д.26. Л.244.

Подготовка кадров со средним специальным образованием для сельской местности Дагестана в первой половине 50-х гг. XX в.

Н.Ш. Мугутдинова

*г. Махачкала, Дагестанский государственный
педагогический университет*

Большое значение в деле подготовки использования специалистов в сельском хозяйстве страны имели постановления ЦК ВКП(б) от 21 июля 1951 г.

«О недостатках в деле распределения молодых специалистов»[1] и постановление Совета Министров СССР и ЦК КПСС от 30 августа 1954 г. «Об улучшении подготовки, распределения и использования специалистов с высшим и средним специальным образованием»[2]. В них указаны конкретные пути улучшения планирования, качества подготовки специалистов, их распределения, использования, укреплению материально-технической базы учебных заведений, развитию заочного и вечернего обучения.

В 50-е гг. XX в. с учетом потребностей отраслей экономики, задач культурного строительства в Дагестане развернулась целенаправленная работа по расширению сети средних специальных учебных заведений, увеличению подготовки в них кадров для села.

В начале 1950-51 учебного года в техникумах Дагестана обучалось 7137 учащихся[3]. Это на 1782 человека больше, чем было 5 лет назад.

Старейшие учебные заведения республики – Махачкалинский зооветеринарный техникум и Дербентский сельскохозяйственный техникум – выпускали квалифицированных зоотехников, ветеринарных фельдшеров, плодоовощеводов, полеводов. Однако они не имели возможности полностью удовлетворить потребности колхозов и совхозов республики в квалифицированных кадрах специалистов. Они нуждались в бухгалтерях, учетчиках, техниках-механиках сельскохозяйственных машин со специальной подготовкой. Усложнение учета и отчетности в колхозах и совхозах из-за увеличения доходов и многоотраслевого характера, насыщение их сложной сельскохозяйственной техникой требовали большого числа квалифицированных инженерно-технических кадров. В республике открываются техникумы: Хасавюртовский (1951 г), выпускающий квалифицированных бухгалтеров и учетчиков для колхозов и совхозов, и Буйнакский (1956 г.), готовящий техникумов-механиков сельскохозяйственных машин [4].

Об изменениях в подготовке специалистов со средним специальным образованием в учебных заведениях Дагестана говорят следующие данные. Если в 1950-55 учебном году в Дагестане было 18 ссузов, то в 1955-56 учебном году их число возросло до 25. За эти же годы число учащихся этих учебных заведений возросло с 7100 до 9000 человек [5].

К концу рассматриваемого периода, в сельской местности Дагестана трудились выпускники четырех сельскохозяйственных, трех строительных, до-

рожного, кооперативного и финансового техникумов; семи медицинских и шести педагогических, музыкального и художественного училищ, республиканской культурно-просветительской школы и т.д.

Таким образом, в первой половине 50-х гг. прошлого столетия можно отметить количественное увеличение специалистов села Дагестана со средним специальным образованием. Тем не менее, оставалась проблемы их нехватка, закрепления в сельской местности и т. д.

ЛИТЕРАТУРА :

1. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций, пленумов ЦК. Изд.8. – М.,1985. Т.8. С.243-244.
2. Высшая школа: Осн. пост., приказы и инструкции. – М.,1957. С.10-16.
3. Советский Дагестан за 50 лет: Стат. сб. –Махачкала, 1967. С. 97.
4. Социально-экономические и культурные преобразования в Дагестане (1920-1970гг.). – Махачкала, 1967. С. 153.
5. Советский Дагестан за 40 лет: Стат. сб. – Махачкала, 1957. С.129.

Трудовая школа Дагестана в условиях социально-экономических преобразований межвоенного периода (1920-1941 гг.)

Муцалханов М.С., Шугаилов И.Ш.

г. Махачкала, Дагестанский государственный педагогический университет

В межвоенный период развития нашей страны в обществе произошли значительные социально-экономические преобразования, вызвавшие, в свою очередь, изменения в культурной жизни, сфере просвещения и школьного образования.

Основными принципами обучения и воспитания подрастающего поколения в общеобразовательных школах объявлялись политехнический и трудовой. Они предполагали организацию подготовки подрастающего поколения к трудовой самостоятельной жизни на совершенно других началах, чем это имело место в дореволюционной России.

В рассматриваемые годы для претворения в жизнь поставленных государством целей в области школьного образования властным структурам Дагестана пришлось заниматься над выполнением трех важных задач – создание материально-технической базы, подготовка и расстановка педагогических кадров, налаживание и совершенствование учебного процесса.

Строительство новой школы на основе объявленных еще в 1918 г. принципов стало возможно после окончательного установления советской власти в апреле 1920 г. [1, с. 82].

К концу Гражданской войны и началу мирного времени система школьного образования Дагестана была полностью развалена: материально-техническая база разрушена, а педагоги в большинстве своем покинули пределы Дагестана или ушли в другие сферы деятельности.

В целях подготовки учителей для школ республики в 1920 г. открываются учительские курсы в Темир-Хан-Шуре и Дербенте. По подсчетам Г.Ш. Каймаразова, к началу 1920-1921 учебного года такую форму подготовки в Дербенте прошли 93 учителя [2, с. 82]. Существенным моментом в обеспечении школ Дагестана кадрами стали открытия средних педагогических учебных заведения в Буйнакске (1922 г.), Дербенте (1923 г.). К концу 1940-1941 учебного года Дагестан имел 6 педагогических училищ. С 1931-1932 учебного года к подготовке учителей приступил педагогический институт – первое высшее учебное заведение Дагестана.

Одновременно принимались меры по созданию материально-технической базы школ и обеспечению их учебной и методической литературой.

Тем не менее, в работе школ Дагестана имело место много недостатков. По состоянию на 1 января 1941 г. в республике не хватало 737 учителей. Из 5614 школьных педагогов 2974 имели неполное среднее образование, в т.ч. более 1000 учителей не имели даже семилетнего образования [3, л. 101]. В 1940-1941 учебном году неохваченными школами республики остались 19800 детей.

Таким образом, усилиями республиканских органов в Дагестане в исследуемые годы была создана определенная система школьного образования, но она требовала существенного совершенствования.

ЛИТЕРАТУРА :

1. История Дагестана с древнейших времен до наших дней. В 2 т. / Отв. А.М. Османов. – Махачкала: Изд-во «Юпитер», 2005. – Т.2. – 664 с.
2. *Каймаразов Г.Ш.* Образование и наука в Дагестане в XX веке. – Махачкала: Даг. кн. изд-во, 2005. – 464 с.
3. Центральный государственный архив Республики Дагестан (ЦГА РД). Ф.1-п. Оп.1. Д.5013. Л.1-356 л.

Особенности института наследования по завещанию второй половины XX века по ГК РСФСР 1964 г.

И.В. Соленцова

г. Ростов-на-Дону, Южный федеральный университет

Наследственное преемство по завещанию выступало в качестве второстепенного основания наследования по Гражданскому кодексу РСФСР 1964 г. [1, ст. 407], уступая первенство наследованию в законном порядке.

Советское законодательство в области наследования не содержало дефинитивных норм. Понятие наследования и универсального правопреемства отсутствовали в законе. В этом прослеживается определенная преемственность традиции дореволюционного права.

Невзирая на прямое указание о регулировании отношений, основанных на праве гражданина завещать понятия «завещание» отсутствовало также. Законодательная брешь восполнялась активной работой в советской юридической литературе по разработке научной дефиниции. В ряде источников завещание изучалось ограниченно в качестве односторонней сделки, которая может содержать распоряжения только одного лица [2, с. 114]. Однако в судебной практике имелись факты признания законной силы завещательной воли двух лиц.

Декларативно провозглашался расширенный круг возможностей наследственного правопреемства по завещанию по сравнению с ранним законодательством. Имущество стало возможно завещать в пользу любого лица, государства или государственных, кооперативных и общественных организаций. Размер обязательной доли уменьшен до двух третей от законной доли.

В Конституции СССР 1936 г. гарантировалось право наследования личной собственности граждан. Фактически эта задача, не имела практической реализации. Признаки завещания, как акта выражения воли на случай смерти завещателя, и документа единоличного распоряжения в установленном им в порядке имуществом, оставались за рамками внимания.

Одно из основных ограничений свободы завещания - круг необходимых наследников, изменений не претерпел, за исключением добавленных восходящих наследников.

Стало возможно лишить наследства всех наследников по закону, за исключением необходимых, путем прямого указания в тексте завещания или простым умолчанием в завещании о конкретном наследнике.

Впервые в советском законодательстве сформулировано правило о приращении наследственных долей, которое нашло поддержку судебной практике [3]; единый порядок и срок принятия наследства не зависимый от факта присутствия наследников.

Правомочия наследника ограничивались формальным способом принятия наследства, постольку вопрос о соблюдении гарантии свободы принятия наследства как одного из основных правомочий наследника открыт.

Полагаем, что ГК РСФСР 1964 г. слал очередным шагом на пути развития «гипертрофированной» роли государства в области наследования. Государство, как и ранее, позиционировалось как предпочитаемый приобретатель наследства.

ЛИТЕРАТУРА :

1. Гражданский кодекс РСФСР // Ведомости ВС РСФСР. 1964. № 24. Ст. 407.
2. *Никитюк П.С.* Наследственное право и наследственный процесс. – Кишинев, 1973.
3. Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 01.07.1966 № 6 О судебной практике по делам о наследовании. Документ опубликован не был. // <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online>.

Периодизация закрытия церквей и молитвенных зданий Донской области в 1920-1930-е годы

Л.В. Табунищикова

г. Ростов-на-Дону, Южный федеральный университет

В настоящее время продолжает быть актуальным осмысление принципиального изменения отношений между государством и Русской Православной Церковью в первой половине XX в. в России. Особенный интерес представляет процесс закрытия церквей и молитвенных зданий в Донской (Ростовской) области, проходивший с большей или меньшей интенсивностью на протяжении с 1920 по 1941 г. До сегодняшних дней эта тема не получила достаточного освещения.

Процесс закрытия церквей в Донской области делится на три периода: с 1920 по 1923 г. – время закрытия домовых храмов и церквей при тюрьмах и учебных заведениях; с 1924 по 1928 г. – период закрытия наиболее крупных храмов в городах, станицах и слободах; с 1929 по 1941 г. – время массового закрытия церквей и молитвенных зданий [1].

Закрытие церквей и молитвенных домов в Донской области, начался с 1920 г. и проходил неравномерно. В Донской области, центр которой советская власть перенесла из Новочеркасска в Ростов-на-Дону, церкви не закрывались до 1924 г., за исключением домовых храмов при учебных заведениях и тюрьмах. В целом 1920 – 1923 гг. характеризуются незначительным числом закрытых храмов.

Если в 1920 – 1923 гг. в Донской области закрывались в основном часовни и домовые храмы, то отличительной особенностью 1924 – 1928 гг. стало закрытие городских церквей и церквей некоторых наиболее крупных станиц и слобод. Станичные, слободские, хуторские и поселковые храмы в большинстве по-прежнему продолжали свою богослужebную жизнь на правах аренды. Помимо городских церквей, в 1924 – 1928 гг. начинается постепенное закрытие храмов в слободах и станицах. Как правило, в 1924 – 1928 гг. не возникало тяжбы между общиной закрытой церкви и органами власти.

Начало массового закрытия церквей связано с изданием 8 апреля 1929 г. постановления ВЦИК и СНК РСФСР «О религиозных объединениях», а также с новой редакцией ст. 4 Конституции РСФСР 1925 г., в которой антире-

лигиозная пропаганда признавалась за всеми гражданами [2]. Развертыванию кампании по закрытию церквей способствовала не в последнюю очередь деятельность Союза воинствующих безбожников (далее – СВБ), выразившего идеи коммунистической.

Немаловажным аспектом возобновления массового закрытия церквей после проведения коллективизации была позиция священнослужителей, которые не только не поддерживали создававшиеся колхозы, но и во многих случаях выступали с призывом не вступать в них [3]. В СССР 30-х гг. массовое закрытие храмов стало обыденным явлением.

В результате проводимой политики к началу Великой Отечественной войны на территории Ростовской области из 900 храмов остались два действующих: Преображенский хутора Обуховка [4] и Рождества Богородицы хутора Каныгин.

ЛИТЕРАТУРА :

1. Табунищикова Л.В. Щадрина А.В. Закрытие церквей и молитвенных зданий Донской области в 1920-1930-е годы. Сб. документов. Ростов-на-Дону, 2013 г. С. 10.
2. Конституция и конституционные акты РСФСР. 1918 – 1937. М., 1940. С. 217.
3. Архив УФСБ России по РО. П-47816. Т. 1. Л. 140, 485.
4. Государственный архив Ростовской области. Ф. Р-4173. Оп. 5. Д. 2. Л. 1.

Уровень жизни рабочих Владикавказа в 1920-е гг.

А.Р.Царикаева, А.Т.Царикаев

*г. Владикавказ, Северо-Осетинский государственный университет
имени К.Л. Хетагурова*

В 1920-е гг. во Владикавказе пролетариат был немногочислен и слаб. Город изобиловал мелкими ремесленниками и лицами, ставшими рабочими в период гражданской войны.

Одним из главных аспектов, раскрывающих уровень жизни рабочего класса, являлся вопрос о зарплате. Тяжелые условия труда и продолжительный рабочий день не сочетались с заработной платой, которая часто выплачивалась продуктами питания, в основном мукой. Прожиточный минимум составлял 4 пуда размолотой муки. Так, за 1921 г. было выплачено 7000 рабочих 2,5 млрд. рублей и 28 000 пудов муки, тогда как средний суточный минимум составлял 16 млн. рублей на человека [1].

Питание большинства рабочих оставалось весьма однообразным и недостаточным, нередко опускаясь ниже санитарной нормы. Пища рабочих была в основном хлебной и растительной, сливочное масло употреблялось чрезвычайно редко. Такие продукты, как молоко, творог, сметана, яйца, потреблялись рабочими в ограниченном количестве [2]. Таким образом, питание рабочих уступало питанию других слоев общества за исключением беднейшего крестьянства. Следствием плохого питания являлись преждевременная заболеваемость организма и смертность.

Одним из самых кардинальных вопросов являлись также и жилищные условия рабочих. На протяжении 1920-х гг. Владикавказ переживал острый жилищный кризис, объясняемый тем, что во время гражданской войны значительное количество зданий было сожжено и разрушено. Наблюдалась такая скученность жильцов в помещениях, что не было никакой возможности соблюсти самые элементарные правила санитарии и гигиены. Грязь, пыль являлись неизменными спутниками рабочих при таком положении.

Большое распространение в качестве жилья рабочих получила казарма. Фабричные, заводские казармы и бараки предоставлялись рабочим в качестве жилья предприятием за определенную плату. Условия проживания в казармах были крайне неудовлетворительными. Никаких спальных принадлежностей не полагалось: спали на рогожах, войлоках, соломе. Многие казармы находились в антисанитарном состоянии, так как многие жильцы держали свиней, кур и домашних животных [3].

Продолжительный рабочий день оставлял слишком мало времени для получения образования. В целом трудящиеся были отстранены от сферы

образования и культуры. По данным переписи 1920 г., процент грамотности в Северной Осетии доходил до 16,9 – 17% [4]. В 1920-х гг. тяга к знаниям охватила широкие массы рабочих. Показателем стремления к образованию был наплыв в вечерние воскресные школы, которых в октябре 1921 г. во Владикавказе насчитывалось 4, а в ноябре – уже 24 [5]. Также увеличился приток рабочих в вузы, в основном в Горский институт и промышленно-экономический техникум. Увеличивалось число посещений рабочими бесплатных библиотек.

Таким образом, уровень жизни большей части рабочего населения Владикавказа в 1920-е гг. оставался низким.

ЛИТЕРАТУРА :

1. Государственный архив новейшей истории РСО-Алании (далее – ГАНИ РСО-А.) Ф.204.Оп.1.Д.1.Л.26.
2. ГАНИ РСО-А. Ф. 1. Оп.1. Д. 461. Л. 1.
3. ГАНИ РСО-А. Ф.211. Оп.1. Д. 23. Л. 14.
4. *Хасиев А.П.* Хозяйственное и социально-культурное строительство Северной Осетии (по материалам Осплана). Владикавказ, 1928. С.33.
5. ГАНИ РСО-А. Ф.204.Оп.1.Д.1.Л.23 об.

Проблемы общеобразовательной школы Дагестана межвоенного периода в новейшей отечественной историографии

(2005- май 2013 гг.)

И.Ш. Шугаилов

г. Махачкала, Дагестанский государственный педагогический университет

Взятый с начала 90-х годов прошлого столетия курс на радикальные социально-экономические преобразования в России привел к усилению интереса в обществе к историческому прошлому страны, в том числе к проблемам развития школьного образования.

Подобную тенденцию в вопросах изучения проблем обучения и воспитания подрастающего поколения, подготовки юношей и девушек к жизни можно наблюдать в исторической науке Дагестана новейшего времени.

Анализ показывает, что пристальное внимание исследователи в последние годы обращают на проблемы становления и развития общеобразовательной школы Дагестана в межвоенный период 1920-1941 гг.

Всю научную литературу по истории школьного образования последних лет можно разбить на фундаментальные труды, в которых изучается образование в целом, и специальные работы, посвященные исследованию различных проблем общеобразовательной школы Дагестана 1920-1941 гг.

К первой группе исследований относится монография профессора Г.Ш. Каймаразова по истории образования и науки Дагестана XX в. [1], а ко второй – статьи Р. Джамбулатова [2, с.59-65] М.С. Муцалханова [3, с.17-23; 4, с.52-55; 5, с.13] и автора этих строк [6, с.16].

В указанных работах, в силу широты поставленных задач (монография Г.Ш. Каймаразова) и ограничения рассматриваемых проблем хронологическими рамками 1920-х годов (статьи) не все проблемы школьного образования Дагестана межвоенного периода получили достаточное освещение.

ЛИТЕРАТУРА :

1. *Каймаразов Г.Ш.* Образование и наука в Дагестане в XX веке. – Махачкала, 2005. – 464 с.
2. *Джамбулатов Р.Т.* Система среднего образования в Хасавюртовском округе и Кизлярском отделе [Терской области] в 1914-1923 гг. // Наука и молодежь: Сб. статей молодых ученых и аспирантов по проблемам истории. – Махачкала: ИИАЭ, 2007. – 232 с.
3. *Муцалханов М.С.* История создания основ материально-технической базы Единой трудовой школы Дагестана (1920-1922 гг.) // Zbiór

raportow naukowych “Teoretyczne i praktyczne innowacje naukowe” (29.01.2013 – 31.01.2013). – Krakow: Wydawca: Sp. z o.o. “Diamond trading tour”, 2013. – 76 с.

4. *Муцалханов М.С.* Организационная деятельность органов власти Дагестана по закладке основ Единой трудовой школы в восстановительный период (1920-1925 гг.) // Реформування та розвиток науки: сучасні виклики: Мінародна конференція, м. Київ, 2 лютого 2013 р. – Київ: Центр наукових публікацій, 2013. – 115 с.
5. *Муцалханов М.С.* Трудовая подготовка школьников Дагестана в 1920-1941 годах: обзор некоторых опубликованных мемуарных источников советского периода // Тенденции и инновации современной науки: матер. VI Междунар. науч.-практ. конф. (тезисы докладов) 19 февраля 2013 г.: Сб. науч. трудов. – Краснодар, 2013. – 104 с.
6. *Шугаибов И.Ш.* Обеспечение школ Дагестана в 1922-1941 годах учительскими кадрами средне-педагогического уровня: опыт и проблемы // Тенденции и инновации современной науки: матер. VI Международная научно-практическая конференция (тезисы докладов) 19 февраля 2013 г.: Сб. научных трудов. – Краснодар, 2013. – 104 с.